

Н.И. Троицкий

**О влиянии христианства на
жизнь русского народа**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.И. Троицкий**
О влиянии христианства на жизнь русского народа / Н.И. Троицкий – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 40 с.

ISBN 978-5-458-16059-9

О влиянии христианства на жизнь русского народа. Речь, произнесена
на торжественном акте в зале Тульского дворянского собрания 15-го июля
1888 года.

ISBN 978-5-458-16059-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

было столь могущественнымъ, чтобы перевоспитывать одновременно всю темную массу русского народа? Это учреждение — православный храмъ, съ его внутреннимъ благолѣпіемъ и богослуженіемъ.

Нашъ прапредокъ — полудикій славянинъ восточной Европы преклонялся предъ силой грозной, неодолимой. Если эта сила проявлялась въ облакѣхъ, камняхъ, деревьяхъ; то онъ поклонялся грозовой тучѣ, громадному камню, крѣпкому зеленому дубу и т. д. При такомъ возрѣніи, когда Богъ есть стихія или произведеніе стихіи, непосредственно находящаяся въ природѣ, мысль о капищѣ для бога не могла найти себѣ художественнаго выраженія. Искусство одухотворяется идеями, а этихъ-то идей въ славянскомъ язычествѣ и не было; не было поэтому и искусства въ собственномъ смыслѣ. Съ принятіемъ христіанства, воспринята мысль о Богѣ невидимомъ, а вмѣстѣ и о храмѣ, достойномъ Его имени; эта мысль впервые породила искусство и дала разъ и навсегда глубочайшую основу для его безконечнаго совершенствованія. Нѣкоторые изслѣдователи, ссылаясь на краткія и неясныя свидѣтельства иностранныхъ писателей и на рисунки русскихъ рукописей, предполагаютъ, что на Руси и до христіанства было зодчество⁽¹⁾. И это несомнѣнно. Но должно строго различать между зодчествомъ — ремесломъ и зодчествомъ — искусствомъ. Изучая, напр., архитектуру египетскаго храма, изслѣдователи восхищаются его величественными деталями: громаднѣйшими колоннами на подобіе пальмъ и пр.; однако же египетскій храмъ, по своему назначенію, служитъ помѣщеніемъ для быка — Аписа и потому представляетъ великолѣпный хлѣвъ, не болѣе того, и, при всемъ своемъ техническомъ совершенствѣ, въ развитіи зодчества, стоитъ на той же ступени, какъ и тѣ конюшни, украшенные мраморомъ и порфиромъ, которыя построилъ въ Византіи императоръ Михайлъ III-й. Евангеліе возвѣстило міру, что должно поклоняться не стихіямъ, не

(1) А. Паулиновъ. О планѣ исторіи архитектуры въ Россіи. Изъ „Художественныхъ Новостей“. 1886 г. № 23-й.

животнымъ, не людямъ, а единому Богу, который есть Духъ, для котораго небо есть престолъ, а земля—подножіе. Посему весь міръ есть нерукотворенный храмъ Божій; а потому и рукотворенный храмъ Божій долженъ быть подобіемъ всего видимаго міра. Эту глубочайшую идею храма впервые великолѣпно выразилъ византійскій императоръ Юстиніанъ въ созданіи знаменитой церкви св. Софіи—цареградской. На Руси первыми зодчими были греки. Прійдя сюда, они со своимъ мастерствомъ принесли и возвышенную идею храма Божія. Это красно-рѣчиво и рѣшительно сказалось въ построеніи греческими мастерами великой церкви Кіево-Печерской Лавры. Составитель (первой части) Печерскаго Патерика, сказавъ „о созданіи и освященіи церкви Печерскій“, въ концѣ разсказа прибавляетъ: „Богъ въ Троицѣ поклоняемый сооружити Себѣ возлюбилъ пречестную сію церковь во имя любимаго Себѣ небеснаго Царицы, явѣ яко и пребываетъ любовнѣ зѣ... Что убо о ней речемъ? Поистинѣ свята церковь сія есть, дивна въ правду и небеси подобна“⁽²⁾. Это говорилъ варягъ Шимонъ, впоследствии Симонъ, епископъ суздальскій. Возвръненіе епископа Симона важно въ томъ историческомъ отношеніи, что вмѣстѣ съ нимъ оно перешло во владимиро-суздальскую область, потомъ въ Москву, и такимъ образомъ сдѣлалось достояніемъ всей сѣверо-восточной руси. Въ томъ же Патерикѣ говорится, что по подобію Кіево-Печерской церкви построены храмы въ Ростовѣ и Суздальѣ⁽³⁾. Великолѣпнымъ выраженіемъ идеи христіанскаго храма послужили также знаменитые соборы во Владимірѣ—Успенскій и въ особенности Дмитріевскій, построенный княземъ Всеволодомъ (въ крещеніи Димитріемъ). Кн. Всеволодъ желалъ, чтобы самые камни храма высказывали ту мысль, что Господа хвалить весь міръ и въ немъ всякое созданіе, а потому на стѣнахъ храма, съ верхней стороны, лѣпною работою изящно изобразилъ звѣрей сельныхъ и птицъ небесныхъ, съ ликами ангеловъ и святыхъ, возвѣщающихъ хвалу Божию предъ горнымъ

⁽²⁾ Патерикъ Печерскій. 1872 г. л. 119 и 115-й. Ср. л. 104.

⁽³⁾ Патерикъ Печерскій. Л. 112-й.

престоломъ Господа Иисуса⁽⁴⁾. И такъ, храмъ, это — небо, гдѣ самъ Богъ обитаетъ. Вотъ идея, которую русское зодчество должно было выражать пластически, и выражало, но не съ одинаковымъ успѣхомъ. Для „каменнаго дѣла“, при которомъ употреблялся кирпичъ, были уже образцы, которымъ надлежало только умѣло подражать. Но матеріаломъ русской постройки, по свойству мѣстности, служило преимущественно дерево. И вотъ нашъ зодчій „деревяннаго дѣла“ теперь былъ поставленъ въ рѣшительную необходимость создать „храмъ, небесамъ подобный“. Необходимость благодѣтельная! По ся непремѣнному настоянію у насъ родилась своя самостоятельная чисто-русская архитектура. По свидѣтельству летописи, Владиміръ, совершивъ крещеніе народа, повелѣлъ „рубити церкви“. И вотъ русскій плотникъ, онъ же и архитекторъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, водрузивъ крестъ на убогомъ срубѣ, бревенчатой избѣ, началъ ее превращать въ храмъ Божій. Что же вышло? И вышелъ храмъ на диво всей вселенной!.. Веѣмъ, сколько нибудь образованнымъ, людямъ извѣстенъ Соборный храмъ подъ именемъ „Василія Блаженнаго“ въ Москвѣ. Много разсуждали и долго недоумѣвали объ этомъ превосходномъ зданіи. Еще въ 1836-мъ году было высказано мнѣніе, что архитектура храма Василія Блаженнаго представляетъ смѣсь готической и восточной архитектуры⁽⁵⁾. Но, только недавнія основательныя изысканія и добросовѣстная критика памятниковъ русскаго зодчества показали, что архитектура этого величественнаго храма возникла и развивалась исключительно на почвѣ русскаго зодчества. И совершилось это такъ. Основа деревяннаго храма бревенчатая кубическая изба кроется на четыре ската; для удобства — удлиняется; длинныя стороны соединяются поперечной стѣной съ пролестомъ; одна часть, настоящая, возвышается; на ней, для удоб-

(4) Владимірскій соборъ. Библіотека для чтенія. Т. ХСV-й, ч. 2-я. Іюль. 1849 г. Стр. 96—97.

(5) Словарь историческій о святыхъ, прославленныхъ въ російской церкви, и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія, мѣстно чтимыхъ. С.-Петербургъ. 1836 г. Стр. 60-я.

ства покрытія, ставится восьмигранный срубъ; его кровля — осмисторонній пирамидальный шатеръ увѣнчивается главой и крестомъ. Вотъ облыновенный типъ деревяннаго храма. Простой храмъ и украшается просто: крыльца — со столбами въ видѣ кувшинчиковъ, карнизы — съ кокошниками въ видѣ полубочекъ, главы въ видѣ рѣпы, лукозницы, маковницы, груши, яблока и т. п. Тѣмъ не менѣе фасадъ деревяннаго храма, не унижая его достоинства и значенія и не измѣняя его характера, разнообразился такъ и получалъ такія изящныя формы, какими не обладало и каменное византійское зодчество. А потому въ XVI-мъ, въ особенности въ XVIII-мъ столѣтіяхъ, и мастера „каменнаго дѣла“ начали подражать образцамъ деревяннаго зодчества, внося въ каменные храмы орнаментацию деревянныхъ. Вотъ именно воспроизведеніе и соединеніе разныхъ образцовъ деревяннаго зодчества въ одной сложной, но стройной формѣ и представляетъ собою храмъ Василія Блаженнаго, съ его разнообразными шатрами, карнизами, паличниками, портиками. Такъ идея христіанскаго храма впервые породила чисто — русское зодчество. И если зодчій — язычникъ — напрыгалъ всѣ силы ума только для огражденія и защиты своего тѣла отъ вреднаго вліянія стихій и отъ животныхъ; то зодчій — христіанинъ употреблялъ всѣ средства, чтобы соорудить подобіе видимаго неба, храмъ Божій, для утвержденія той мысли, что близъ человека преимущественно обитаетъ невидимо Самъ Богъ, — вотъ Его видимый храмъ. Мысль — освящающая душу при всякомъ взглядѣ на святой храмъ и охраняющая сердце чувствомъ страха Божія отъ дурныхъ влеченій.

Усиліе народнаго генія въ творчествѣ, небывалое и невозможное въ христіанствѣ, въ зодчествѣ нашло себѣ только первое приложеніе. Но, ни каменное, ни деревянное зодчество, само по себѣ, не въ состояніи исчерпать всей глубочайшей идеи христіанскаго храма, который долженъ быть „подобіемъ неба“. „Небо“ христіанина, это та горняя область, гдѣ обитаетъ Самъ Богъ, Царица небесная, ангелы и всѣ святые. Съ такимъ представленіемъ о небѣ соединена и вся исторія царства Божія на землѣ и состояніе его на небѣ. А потому въ

христіанскомъ храмѣ предъ взорами вѣрующихъ необходимо должны быть изображенія небожителей. Въ Византіи этому требованію удовлетворяло иконописаніе и постѣнная (мозаическая и фресковая) живопись.—Какъ храмовое зодчество, такъ и иконописаніе перешло къ намъ отъ грековъ. Иконы греческихъ мастеровъ имѣли у насъ тотъ же высоко-священный характеръ, какъ и въ самой Византіи. Иконописаніе явилось превосходнымъ проводникомъ возвышенныхъ христіанскихъ религіозныхъ, нравственныхъ и церковно-историческихъ понятій. Русскій народъ скоро понялъ и оцѣнилъ значеніе иконописи и потому скоро посвятилъ ей свои художественныя силы и творчество. Да, творчество! потому что русскій художникъ—иконописецъ, не отклоняясь отъ священнаго характера иконописи, сумѣлъ свое пониманіе выразить по-своему, священно-историческіе предметы въ современной русской обстановкѣ. И это произошло скоро. О древнемъ нашемъ иконописномъ искусствѣ недавно еще трудно было сказать что-либо опредѣленное, оттого, что наши храмы потерпѣли то страшную, то странную судьбу. Такова, напр., церковь св. Кирилла въ Кіевѣ,

„Отъ Маріи княгини древле устроена,

Константиномъ, Острожскимъ княземъ, обновлена;

А княземъ Потемкинымъ вовсе упразднена

И въ умалишенныхъ домъ вскорѣ обращена“⁽⁶⁾.

Только недавнее, сдѣланное проф. Праховымъ, блестящее открытіе въ этомъ храмѣ фресковой стѣнописи изъподъ нѣсколькихъ слоевъ штукатурки показало, на какой степени совершенства стояло наше русское иконописное искусство въ XII-мъ вѣкѣ въ Кіевѣ рядомъ съ греческимъ иконописаніемъ XI-го вѣка. При изученіи ихъ, оказалось, что „въ XII-мъ вѣкѣ мы уже имѣли нашу собственную русскую художественную школу, которая вносила тѣ или другія русскія черты въ византійскіе образцы. При сравненіи русской (фресковой) иконографіи XII в. съ греческой XI в., оказывается, что стиль русскій имѣетъ больше естественности и свободы, гра-

⁽⁶⁾ М. А. Максимовичъ. О созданіи кіевской церкви св. ~~Кирилла~~ Соборнаго сочиненій. Т. II-й. Кіевъ. 1877 г. Стр. 161-я.

ціозности и выразительности. Слѣдовательно, вѣкъ XI-й былъ для насъ вѣкомъ ученія, а XII-й в. началомъ самостоятельной, художественной дѣятельности. Да, самостоятельной! такъ какъ русскій ученикъ византійскаго учителя уже началъ наблюдать дѣйствительность и вносить наблюдения въ искусство⁽⁷⁾. Воспріятіе искусства иконописанія отъ грековъ, съ его возвышеннымъ характеромъ, послужило могущественнымъ возбужденіемъ художественныхъ силъ русскаго духа, который до христіанства не зналъ ничего не только такого, но и подобнаго тому. Творческая художественная русская дѣятельность получила широкое развитіе и видовзмѣненіе во многихъ школахъ иконописи, таковы именно: кievская, новгородская, московская, устюжская, строгановская, суздальская и др. Всѣ эти школы, болѣе или менѣе, но сохраняли основной характеръ православнаго т. е. византійскаго писанія, а слѣдовательно, и его образовательное и назидательное значеніе. „Значеніе византійскаго иконописанія чрезвычайно обширно и обнимаетъ собою все христіанское ученіе. Съ первыхъ дней апостольской проповѣди оно было проводникомъ основныхъ началъ вѣры и благочестія. Такъ, оно олицетворяло догматы для укрѣпленія вѣры, изображало завѣтныя преданія православной церкви для отклоненія расколовъ и ересей, живописало священные символы для наученія вѣрующихъ, вносило знаменія и дѣянія для воспоминанія о великихъ и чудесныхъ событіяхъ церкви⁽⁸⁾. Оно воплотило многоразличныя мысли и откровенія о послѣдней судьбѣ міра и церкви, передало смыслъ многихъ заповѣдей, притчей, нравоучительныхъ разсказовъ и т. п. Словомъ, икона, это первая, высокопоучительная, но всякому доступная священная книга. Что древніе русскіе люди по священнымъ изображеніямъ знали исторію библейскихъ и Евангельскихъ событій, объ этомъ безпристрастно свидѣтельствуютъ иностранцы. Адамъ Олеарій, придворный уче-

(7) Проф. Праховъ. Кіевскіе памятники византійско-русскаго искусства. Стр. 24—25 я. Въ трудахъ имп. москов. археологич. общества. Т. XI, вып. 3-й.

(8) Н. П. Сахаровъ. Исслѣзованіе о русскомъ иконописаніи. Кн. 2-я. С.-Петербург. 1849 г. Стр. 15—16.

ный голштинскаго герцога Фридриха, дважды посѣтившій Россію въ 1633 и 1636—38-мъ годахъ, въ ученомъ описаніи своего путешествія, рассказываетъ: „Однажды въ Ревелѣ пасторы хотѣли испытать одного православнаго монаха въ знаніи Библіи; онъ не зналъ нѣмецкаго языка и не понималъ переводчика, но лишь только ему показали библейскія изображенія, онъ тотчасъ рассказалъ самую исторію⁽⁹⁾. Но христіанская иконопись, служба средствомъ выраженія духа, во всѣхъ его состояніяхъ, не только поучаетъ, но и всегда назидаетъ, т. е. сообщаетъ сердцу только лучшее и возвышеннѣйшее. Правда, на иконахъ встрѣчаются и обыденная обстановка и мірскія занятія, какъ постройка дома, сѣяніе, рыбная ловля и т. п., но все подобное — для того, чтобы рѣзче отдѣлать земное отъ небеснаго, выше поставить святое настроеніе человѣка, въ его временной обстановкѣ. Итакъ, если вообще живопись имѣетъ громадное воспитательное значеніе, то иконографія имѣетъ оное въ несравненномъ превосходствѣ: притомъ, православная иконографія, избѣгая пластичности, т. е. тѣлесности, имѣетъ только святое вліяніе, а много и не можетъ имѣть. И сколько святыхъ образовъ возвышеннѣйшихъ добродѣтелей напечатлѣваетъ въ простой непосредственной душѣ народа иконопись св. храма, представляя взору предстоящихъ столько священно-историческихъ ликовъ! Припомнимъ, что въ прошломъ столѣтіи въ одномъ московскомъ Успенскомъ соборѣ насчитывалось „двѣ тысячи шестьдесятъ шесть лицъ“, изображенныхъ на стѣнахъ, кромѣ собственно иконъ⁽¹⁰⁾. Если же икона и просвѣщала, и освящала русскаго человѣка; то, понятно, онъ и чтилъ, и ревностно хранилъ ее, какъ святыню. „Любовь и особенная склонность къ иконопочитанію составляли одно изъ самыхъ рѣзкихъ отличій русскихъ не только отъ протестантовъ, но и отъ католиковъ. Поэтому русскіе принимали всѣ мѣры къ

(9) Л. И. Рущинскій. Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ. Москва. 1871 г. Стр. 72-я.

(10) Протоіер. А. Г. Левшинъ. Историческое описаніе первопрестольнаго въ Россіи храма, московскаго большаго Успенскаго собора. Въ Москвѣ. 1783 г. Стр. 15 и 217-я.

тому, чтобы эти предметы ихъ благоговѣйнаго почитанія не потерпѣли какого нибудь поруганія и оскорбленія со стороны иновѣрныхъ. Въ смутныя времена, иностранцы, знавшіе эту черту русскихъ, пользовались ею для своихъ выгодъ: они грабили и похищали иконы, а русскіе выкупали ихъ у воиновъ за самую дорогую цѣну. Одинъ нѣмецъ у русскаго купилъ домъ, въ которомъ внутреннія стѣны были расписаны священными изображеніями. Опасаясь, чтобы эта святыня не подверглась осмѣянію отъ иновѣрныхъ, бывшій хозяинъ соскоблилъ известку и самый этотъ мусоръ взялъ съ собою. Лютерапе, живя въ Россіи, хотя сами не почитали иконъ, но должны были держать ихъ въ своихъ домахъ, ради прислуги, потому что русскіе иначе не соглашались и служить⁽¹¹⁾. Въ настоящее время вынуждены такъ поступать даже евреи.

Воспроизводя дѣйствительность возвышенной христіанской исторіи и образы небесныхъ лицъ, христіанская иконографія воспитывала и возвышала личную жизнь духа предстоящихъ во храмѣ, какъ естественно и обыкновенно высокій и наглядный примѣръ возбуждаетъ и воспитываетъ достойное ему подражаніе. Быть съ открытымъ сердцемъ въ храмѣ Божіемъ, это значитъ жить въ небѣ, помышлять и чувствовать со святыми. И дѣйствительно, предстоя Богу во храмѣ, среди столь многочисленнаго сонма святыхъ Божіихъ, вѣрующій, какое-бы онъ ни имѣлъ скудное умственное развитіе и низменное сердечное настроеніе, онъ, благодаря нагляднымъ образцамъ добродѣтелей—милосердія, правды, состраданія и т. п., легко испытываетъ высочайшія чувства, какихъ не можетъ ему внушить никакое искусство, никакая поэзія. Ибо, что видъ христіанскаго храма и безъ христіанскаго воззрѣнія на міръ Божій можетъ породить слезы покаянія въ отверженномъ грѣшникѣ, благоговѣйную всеобъемлющую любовь ко всѣмъ людямъ безразлично, молитвенное умиленіе, восторгающее душу отъ всяческихъ суетствій? Только здѣсь, во храмѣ Божіемъ, открываемый

⁽¹¹⁾ Л. П. Рундичскій. Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ. М. 1871. Стр. 222-я.

созерцаніемъ величія Божія и дивныхъ судьбъ чело-
вѣчества, рабъ — чело-вѣкъ, осязаетъ сердцемъ свою духов-
ную, безцѣпную, сладостную свободу отъ всепожирающаго
зла; только здѣсь, хотя на мгновеніе, отлагая всякое
попеченіе житейское, онъ тѣломъ невольнo повергается
на землю, а мыслью пламенно паритъ въ небѣ. Не это
ли состояніе достойно разумнаго чело-вѣка, не оно ли
превосходно украшаетъ его духовную природу? И увы!
такая высота духовной жизни для русса — язычника была
не извѣстна, потому что для язычника она была вовсе
невозможна: не зная о прародительскомъ грѣхопадѣніи
и о своемъ въ немъ участіи, язычникъ не понималъ силы
грѣха, обожая свои страсти, не представлялъ нисости
плотскихъ влеченій и не чувствовалъ торжества духов-
ной побѣды надъ ними, какъ не понимаетъ, не пред-
ставляетъ и не чувствуетъ всего этого и теперь всякій,
кто, стоя на стези царствія Божія, обратилъ лице къ
язычеству, поклоняясь силамъ природы, по своему соз-
даетъ идеаль земнаго благополучія.

Но если христіанство представило язычнику „новое
небо“, возбудило и возвысило жизнь его личнаго духа;
то что могло поддержать, продлить, усилить, преиспол-
нить и въ полнотѣ выразить чувства христіанскаго свя-
таго сердца? Естественно и обыкновенно личному чувству
служить лирика, т. е. искусство выражать личную ду-
ховную настроенность въ поэтическомъ творчествѣ при
посредствѣ пѣнія. Да, только православное церковное
пѣніе есть подлежащее выраженіе чисто-личной и самой
глубокой, и самой искренней религіозной настроенности
сердца. Если въ христіанинѣ преимуществовать жизнь
духа, то пѣніе, какъ лучшее выраженіе внутренней гар-
моніи этой духовной жизни, есть высокое наслажденіе.
Вотъ почему и апостоль Іаковъ говорить: „благодуже-
ствуетъ ли кто; да поетъ“ (Іак. 5, 13). До христіанства,
этой высокой жизни духа русская дѣша не знала, не
зналъ этого дѣтски — простой, открыто — сердечный и по
истинѣ благодушнѣйшій нашъ русскій народъ? За то съ
принятіемъ христіанства онъ воспринялъ и это благодѣ-
тельное средство духовной жизни прямо какъ „даръ Бо-
жій“, усвоилъ его себѣ какъ искусство и развилъ въ

многочисленных напѣвахъ. Таковы суть: греко-болгарскій иначе знаменный роспѣвъ, столбовой, путевой, мественный, кievскій, новгородскій, московскій, суздальскій, черниговскій, бѣлорусскій и др. Въ XVI и особенно XVII столѣтiяхъ на Русь начало проникать западное пѣніе чрезъ Литву и Малороссію—въ Кіевъ и Москву и вмѣстѣ начался упадокъ православно-церковнаго пѣнія. И по происхожденію, и по характеру западное пѣніе православнымъ людямъ не могло понравиться. Какъ несредное истинному духу богослуженія, скорѣе развлекающая, нежели назидая, оно разсѣвало настроеніе молящихся и обуславливало непристойность поведенія присутствующихъ во храмѣ, а потому подвергалось строгому обличенію. По сему поводу святитель Гермогенъ знаменитѣйшій патріархъ московскій и всея Руси пишетъ „Посланіе наказательно“ ко всѣмъ людямъ, паче же священникамъ и діаконамъ о исправленіи церковнаго пѣнія“ (около 1611 года). Въ немъ святитель говоритъ: „Повѣдають намъ христіолюбивые люди со слезами, а ииѣи писаніе приносятъ, а сказываютъ, что де въ мірскихъ людѣхъ, паче во священникахъ и иноческомъ чинѣ вселися слабость и небреженіе, о душевномъ спасеніи нерадѣніе, и въ церковномъ пѣніи великое неисправленіе. По преданію св. апостоловъ и по уставу св. отецъ церковнаго пѣнія не исправляютъ, и говорятъ-де голоса въ два, и въ три, и въ четыре, а иногда и въ пять, и въ шесть. И то нашего христіанскаго закона чюже.. Въмъ бо многихъ собирающихся не Бога ради, ниже послушанія ради глаголь. Овѣхъ убо зрю дремлющихъ, овѣхъ сюду и обоюду озирающихъ, иныхъ другъ ко другу глаголющихъ“⁽¹²⁾. Ревниво охраняя достоинство церковнаго пѣнія, русскіе люди понимали его истинный характеръ. Въ „надписани“ книги, именуемой „Всенощникъ“, говорится: „Начало всенощнаго бдѣнія, сирѣчь великія вечерни, иже есть неусыпно славословіе воздати на херувимѣхъ сѣдящему превѣчному Царю и Пречистыя Его Матери и всѣмъ святымъ угодникамъ, елико узакониша

(12) П. П. Сахаровъ, Исслѣдованія о русскомъ церковномъ пѣснопѣніи. Стр. 11—12. (Изъ журнала мин. нар. просвѣщенія. 1849 г. № 7—8).